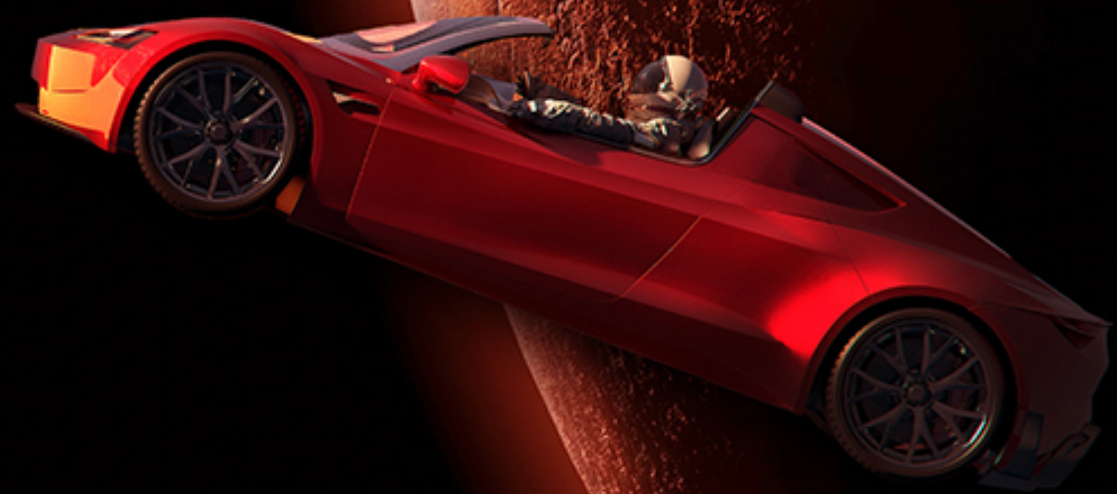

АВТОСТОПОМ К МИЛЛИОНУ

Святослав Рябов

ИСТОРИЯ БЕЖЕНЦА
ИЗ УКРАИНЫ

«Жизнь может быть либо невероятным приключением,
либо вообще ничем»

Святослав Рябов

**Автостопом к миллиону.
История беженца из Украины**

«Writer's Way»

2022

УДК 82-312.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Рябов С.

Автостопом к миллиону. История беженца из Украины /
С. Рябов — «Writer's Way», 2022

ISBN 978-5-907485-64-8

Мы часто откладываем мечты на потом, даже если их можно реализовать за один день. Боимся действовать или не верим, что можем создать именно ту жизнь, которую хотим. Можно ли это изменить? У Святослава Рябова получилось. В этой книге вы не найдете инструкций – только правдивую историю паренька из очень бедной семьи, который никогда и не думал, что проедет полмира, поселится на другом континенте, создаст собственный бизнес и однажды назовет свою жизнь невероятным приключением. В тринадцать лет он шерстил городские помойки, чтобы найти железки, сдать их и купить домой хлеб, а в восемнадцать видел для себя только невзрачное будущее луганского прораба. Но в двадцать пять лет автор пережил ужасные события, которые в корне изменили его жизнь и представление о ней.

УДК 82-312.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-907485-64-8

© Рябов С., 2022
© Writer's Way, 2022

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Взрослый ребенок	8
Краски детства	12
«Бизнес» и другие неприятности	14
Прелести коммунальной жизни	18
В поисках лучшего	20
Глава 2	22
Из двоечника в отличники	22
Каменоломня	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Святослав Рябов
Автостопом к миллиону.
История беженца из Украины

ИП Таргонский Пётр Викторович
© Рябов С., текст, оформление

Предисловие

Ты когда-нибудь слышал про телепортацию из одной реальности в другую? Когда-то я узнал о ней из книг и решил проверить теорию на практике. Теперь я точно знаю – она существует. Привет! Меня зовут Святослав Рябов. По паспорту, а иногда и по факту, я еще недавно был бомжом, по роду деятельности я предприниматель, по месту рождения – из Луганска. Правда, живу в Америке, доехал автостопом. Как? Вот об этом я и хотел рассказать... Нет-нет, никаких списков документов, рекомендаций и полезных ссылок вы здесь не найдете. Это совсем другая история. Это история паренька из очень бедной семьи, который никогда и не думал, что окажется на другом континенте, запустит свой бизнес, будет жить в доме за полтора миллиона долларов, ездить на «Тесла» и мечтать о селфи с Землей из космоса. В пять лет он присматривал за маленьким братом и больной бабушкой, в тринадцать шерстил городские помойки, чтобы найти железки, сдать их и хоть как-то помочь семье, а в восемнадцать собирался продолжить невзрачную историю луганских прорабов. Но в 2014 году произошли ужасные события, которые навсегда изменили его жизнь. Как говорится, хороший уверенный шаг вперед – это результат хорошего, уверенного пинка под зад.

Во многом благодаря этому «пинку» я и телепортировался, но не так быстро, как ты уже смог себе представить. По пути было много интересного. Настолько, что сейчас я могу назвать свою жизнь невероятным приключением. И речь не только о путешествиях.

О них я уже писал в социальных сетях, больше для себя, как путевые заметки, у которых неожиданно появились последователи – спустя некоторое время мой маршрут повторили еще несколько человек. И я был по-настоящему счастлив, когда узнал, что мои записи помогли им воплотить свои мечты.

Во многом поэтому я взялся за книгу, ведь путешествия – только часть моего пути. А еще потому, что оглянувшись назад, в прошлое, и с удивлением обнаружил, как судьба ловко складывает пазлы. Будучи в точке А, мы не можем понять точку В и ответить на вопрос, почему происходит так, как происходит. Ведь тогда мне даже в голову не приходило, что вся цепочка событий станет моей дорогой к будущему и обретению собственного смысла жизни. Теперь же, оказывается, мне есть что рассказать и чем поделиться с теми, кто ждет каких-то знаков свыше. Или, наоборот, глубоко убежден в невозможности изменить свою жизнь без связей, денег и наставника. Ребята, всё возможно! Я смог вытащить из штампованной реальности себя и свою семью, поставил и достиг сотен целей. Скажете, везение или стечение обстоятельств? Нет. Связи, деньги, родители? Нет! О том, что именно мне помогло, вы сможете сделать выводы сами, прочитав правдивый рассказ о моей жизни. Сейчас я поделюсь только одним секретом: книги. В какой-то момент жизни они заполнили всё мое свободное время и показали, что всё может быть по-другому, что существует другая реальность, отличная от той, которую я видел вокруг. Я читал, слушал, пробовал на практике, не получалось – бросал и брался за новое. Знаете, есть шутка, что девушки умны от природы, а мужчины – от книг? Так вот, в этой шутке правда всё. Во многом я обязан книгам тем, что у меня есть. Поэтому и своим опытом я хотел бы поделиться через книгу. Я буду счастлив, если это поможет кому-то изменить свою жизнь к лучшему хотя бы на крупницу.

Попробуем?

О книге

История в книге правдивая, все описанные события реально происходили в моей жизни. Но имена некоторых участников я заменил вымышленными, чтобы ненароком не раскрыть чужих тайн.

О событиях, изменивших мою жизнь

В книге описан вооруженный конфликт в Украине 2014 года, который сильно повлиял на мою жизнь. Я описал его так, как видел тогда. После начала войны 2022 года мои взгляды сильно изменились, но рукопись на тот момент была уже завершена, и я решил оставить как есть. В следующей моей книге, на которую уже есть планы, я уделю отдельное внимание этой проблеме.

Благодарности

Выражаю безмерную благодарность команде литературного агентства Writer's Way за помощь в создании книги.

Глава 1

Мои девяностые

Взрослый ребенок

Я родился в Луганске, в то время, когда Советский Союз рассыпался на кусочки, отпуская от себя республику за республикой и оставляя их население в полном неведении насчет своего ближайшего будущего.

Мы жили в типовой двухкомнатной хрущевке: мама, бабушка и я. Отца у меня не было – мама сбежала от него, когда мне только-только исполнился год. Я знал, что он живет где-то в Луганске, и даже пару раз видел, когда стал постарше: у меня лопнул аппендицит, а он приходил в больницу, чтобы помочь оплатить операцию. На том наше знакомство и закончилось.

Когда мне было пять лет, в нашей семье случилось пополнение. Сначала появился отчим Артур, а чуть позже – младший брат Доброслав. Артур с нами не жил, предпочитая «свободное плавание» и не обременяя себя заботами о сыне. Зато он души не чаял в технике. Правда, вместо серьезного дела перебивался какими-то шабашками по ремонту велосипедов и мотоциклов, а после знакомства с мамой и вовсе перестал искать хоть какой-то заработок, аккуратно пересев к ней на частичное содержание.

Из-за пассивного отцовства Артура все заботы о Доброславе обрушились на меня. Я кормил его, пеленал, замачивал грязные пеленки, чтобы вечером мама могла их постирать. Потом я брал брата на руки и шел в комнату к парализованной бабушке. Бабушка либо лежала, либо полусидела в кровати, облокотившись на гору подушек. До болезни она работала технологом на обувной фабрике, от которой ей досталась наша двушка. Но после сорока лет здоровье бабушки начало стремительно ухудшаться, и забота о доходе в семье легла на плечи моей мамы, на которых и оставалась до описываемого времени, вот только семья стала больше. Так что в каком-то смысле слова бабушка была моим вторым Доброславом, за которым тоже требовался уход.

Позже мама вспоминала, как однажды я пришел к ней с заявлением, что уйду из дома. Мне тогда было лет шесть.

– Я уштал! Уштааал! Ухозууу!

Мама смерила меня взглядом и открыла входную дверь квартиры:

– Иди.

Я насупился. Мама смягчилась.

– Сынок, я понимаю, что ты очень устал, но ты сейчас выйдешь на улицу, там темно, одиноко и страшно, идти тебе некуда, тебя никто не накормит, тебе негде будет спать, ты там никому не нужен. Но если хочешь идти, иди.

– Не хочу, – обиженно буркнул я и отвернулся.

– Ну вот, правильное решение. – Она закрыла дверь и ушла на кухню: детский шантаж на нее не подействовал.

Я видел, что мама очень много работает и тоже сильно устает, но мне было непонятно, почему нам не помогает Артур. Он иногда сидел с Доброславом по просьбе мамы, но не более того. Выглядело такое положение дел, откровенно говоря, странно, даже для ребенка.

А в один из вечеров... В один из вечеров он пытался прорваться в нашу квартиру. Сначала Артур настойчиво звонил в дверь, а потом начал колотить ее кулаками. Будь он вдрабадан пьяным, возможно, ситуация не казалась бы такой странной. Но отчим не пил. У них с мамой и раньше были конфликты, он не раз демонстрировал свою агрессию, и мама знала, по какому сценарию будут развиваться дальнейшие события. Поэтому и в этот раз она на цыпоч-

ках подошла к глазку, заранее погасив свет в коридоре. Убедившись, что пускать Артура сейчас не стоит, она так же тихо отошла в комнату, предупредив нас, чтобы мы сидели молча.

Артур бушевал в подъезде. Он орал, орал, а потом вдруг наступила тишина. Почувствовав неладное, мама распахнула окно нашей комнаты, подхватила на руки сидящего в кровати Добрика и быстро пошла прочь, жестом приказав мне идти за ней.

Только мы переступили порог зала, как, с треском разорвав марлю, в окно прилетел кирпич. От неожиданности я ойкнул. Мы жили на пятом этаже, а между крышей и окном расстояние небольшое, при желании можно легко что-то забросить. Рядом с детской кроваткой с грохотом упал еще один кирпич.

Вызывать милицию было бесполезно. В таких случаях дежурные отвечали: «Разбирайтесь сами! Звонить будете, когда труп появится!» Соседи тоже не проявляли особого интереса к происходящему. Может быть, подглядывали в дверной глазок, а может быть, делали звук телевизора погромче. В любом случае оттуда помощи ждать тоже не приходилось.

Мама стояла посреди комнаты и оглядывала ее с видом разъяренной медведицы. Добрик начал хныкать. Мама прислушалась, посмотрела в глазок и пошла в комнату закрывать окно. Судя по тому, как решительно она действовала, Артур ушел.

– Совсем чокнулся, – возмущенно выдохнула она, хлопнув рамой.

– Что там? – спросила бабушка.

– Представляешь, кирпичи кидал...

Вспоминая этот случай, я до сих пор удивляюсь ее интуиции. Как она догадалась, что будет делать Артур? Как поняла, что нужно открыть раму, чтобы кирпичи не пobiли стекло, и унести Добрика из кровати, стоявшей рядом с окном? Как?! Для меня до сих пор загадка. Они не раз ссорились у меня на глазах, бывало так, что Артур распускал руки, – тогда я начинал плакать и бежал прятаться под стол в надежде, что скоро всё закончится: пятилетний мальчик никак не мог повлиять на действия взрослого мужика. Всё, что мне тогда оставалось, – это желать поскорее вырасти, чтобы защищать маму.

А повзрослеть мне и так пришлось быстро: мама с утра до вечера пропадала на заработках. Она бралась за всё, что удавалось найти в объявлениях, – сказывалось тяжелое перестроечное время с его дефицитом средств и предложений о трудоустройстве. Играло роль и то, что она содержала семью с тринадцати лет, когда слегла бабушка. Привыкшая с детства к самостоятельности, в вопросе воспитания мама не церемонилась: я для нее с пеленок был взрослым мальчиком, с которым разговаривать нужно соответствующим образом. Например, когда мне исполнилось пять лет, мама показала, как пользоваться спичками и зажигать плиту, чтобы в ее отсутствие я мог разогреть себе еду и не устроить при этом пожара.

– Вот, смотри, видишь, тут бочок такой шершавый? Берешь спичку, вот этой коричневой головкой прижимаешь ее к шершавому... и от себя слегка! Оп! Горит! – учила мама. – На, попробуй!

Огненный шарик весело затрепетал на кончике спички после того, как я извел половину коробка.

– Ой, мам, горит! – я испуганно дернул рукой.

– Горит, да. А теперь поворачивай вот эту ручку... Давай, давай! Тебе газ включить нужно.

Из-под шляпы конфорки что-то зашипело. Потянуло газом.

– Подноси огонь вон к тем маленьким дырочкам. Давай!

Я понес огонек к конфорке. Синее пламя резко выбилось вверх и затрепыхалось цветком.

– Ваай! – вскрикнул я и отдернул руку.

– Не бойся, теперь подуй на спичку и положи воон в ту банку.

Я пофукал – спичка погасла. Я аккуратно сунул дымящуюся палочку в банку к остальным огаркам.

– Молодец! Огонь зажег, пошел за кастрюлей в холодильник. Кастрюлю ставишь на газ, разогреваешь и выключаешь плиту. Пробуй.

Я полез в холодильник. Кастрюля высилась горой посреди полки.

– Давай, бери, не размораживай холодильник, – поторопила мама.

Я обнял небольшую кастрюлю ладонями и потянул на себя. Сопя, дотащил до плиты и водрузил на синюю розочку газа.

Через несколько минут в кастрюле забулькало.

– Выключай, – скомандовала мама.

Я взялся за ручку. Чик – огонь исчез.

– Внимательно тут: хорошо закрывай, если оставить газ открытым, можно отравиться, а если зажечь спичку, когда сильно пахнет газом, он взорвется, и будет пожар.

Я попробовал повернуть ручку сильнее, чтобы убедиться, что полностью закрыл газ.

– Вот, всё. Теперь я могу быть спокойна, – мама довольно улыбнулась. – Урок окончен, все свободны!

Мама всегда и всё объясняла на практике. Иногда ее уроки выглядели сурово, но зато очень эффективно. Был случай, когда всё в те же пять лет я пришел домой и заявил, что хочу попробовать сигареты.

– Тааак, – мама заинтересованно посмотрела на меня.

– Я видел, как дядя Дима курит.

– Предположим.

– Так все взрослые делают. Я тоже хочу. Я же взрослый.

Мама усмехнулась:

– Хочешь попробовать?

Я утвердительно кивнул.

– погоди минутку.

И вышла из дома. Через пару минут она вернулась с сигаретой.

– Держи.

Я не поверил.

– Держи, говорю, сейчас курить будем, – она села напротив меня и с любопытством стала наблюдать.

Я двумя пальцами взял сигарету, принялся к необычному запаху табака и бумаги, перехватил сигарету посередине, как это делал сосед дядя Дима, и приложил ее к губам. Мама прыснула:

– Не, не, так дело не пойдет!

И потянулась за спичками. Ловко прикурив, она протянула сигарету мне. Я сложил губы трубочкой, обхватил ими фильтр и посмотрел на маму. Она показалась мне очень серьезной. Тогда я быстро втянул едкий дым в себя. В секунду легкие как будто парализовало, дышать стало нечем, и я закашлялся.

– Фуууу, фууу! – Я побежал в ванную, включил воду, высунул язык и стал тщательно его отмывать. Потом почистил зубы. Тер рот щеткой до тех пор, пока мне не показалось, что отвратительный запах смылся.

– Ну как? – заглянула мама.

– Никогда в жизни эту гадость в рот не возьму!

– Ну и правильно.

Урок и вправду навсегда отбил желание курить. Я не соблазнялся даже в подростковом возрасте, когда все сверстники дымили паровозами за углом школы.

В садик я тоже ходил самостоятельно – мама провожала тогда, когда было время, и забирала, если заканчивала работу раньше. Садик находился рядом с домом, так что на пути через двор меня если и подстерегали какие-то опасности, то только глубокие лужи.

Выходные мы проводили с мамой вместе, за работой: я сметал мусор со ступенек, а она мыла лестничные клетки.

Постепенно совсем угасла бабушка. Ее увезла карета скорой помощи, в реанимацию, где спустя несколько месяцев она нас покинула.

Краски детства

– Так, люстру... Люстру, пожалуй, тоже возьмем, – мама прошла по опустевшим комнатам. Всё ли взяли...

Мы переезжали в однокомнатную квартиру поближе к центру города. Мне тогда исполнилось девять, а Добрику четыре. У него отросли такие же длинные волосы, как у отца, отчего все думали, что он девочка. Но издевок он не терпел и в обиду себя не давал. Брат рос очень бойким и самостоятельным, настолько самостоятельным, что однажды пошел гулять и потерялся в незнакомых кварталах. Когда его хватились, прошло уже прилично времени. «Ну всё, пропал брат, навсегда пропал...» – думал я, прочесывая соседние дворы. Я не хотел говорить об этом маме, думал, что сам найду, но, когда пошел на четвертый круг по соседним детским площадкам, понял, что надо бить тревогу.

Узнав о пропаже, мама выругалась и пулей вылетела во двор. По пути встретились соседи.

– Вы не видели Доброслава? Не, не видели? – взволнованно спрашивала у них мама.

– А что такое?

– Пропал...

И соседи разворачивались и шли за нами.

Полдня мы потратили на поиски. Уставшие, поплелись домой.

Дома мама поставила чайник и только было взялась за телефон звонить в милицию, как входная дверь открылась и закрылась обратно. Мы замерли, вытянув шеи.

– Маааааам, – тихо позвал детский голос из прихожей. – Мааааам! Ты до...

– Доброслаааав! – выдохнула мама и птицей метнулась в коридор.

Я поспешил за ней. Мама, стоя на коленях, плакала и обнимала брата.

– Дооообриииик! Жиивоооой! – я повис на них сверху, пытаюсь обнять двоих одновременно.

– Я гулял, гулял и потерялся, – всхлипывал брат.

Эти несколько лет в центральном районе были, можно сказать, счастливыми. Во дворе я быстро обзавелся друзьями. С весны и до поздней осени мы катались на велосипедах, забирались в сады за яблоками и уезжали далеко-далеко, к речке.

Однажды на этой речке случилось мое второе рождение, коих в моей жизни будет еще много. Дело в том, что ни я, ни брат плавать не умели. Чтобы научиться держаться на плаву, я использовал бутылки из-под колы. И вот плаваю я, тренируюсь и вижу, что, вопреки всем предостережениям, Доброслав решительно идет на глубокое место. Мгновение – и его макушка скрылась под водой. Не думая о том, что будет дальше, я зажал бутылку между ног и бросился его спасать.

Река Северский Донец большая, глубокая, местами с сильным подводным течением. Я добрался до брата, кое-как вытянул его из воды на поверхность и, оглядевшись по сторонам, понял, что нас снесло. Дно ушло из-под ног, бутылка никак не помогала. Брат в панике стал быстро ползти по мне вверх. И тут я понял, что под весом Доброслава иду ко дну. Я попробовал скинуть его с себя, чтобы по-другому перехватить, но Добрик вцепился мертвой хваткой.

– Кричи! Кричи «Помогите»!!! Не молчи! Ну же!!! – Моя голова ненадолго вынырнула и снова ушла в воду.

Но Добрик предательски молчал, всё сильнее сжимая мою шею.

Нас проносило мимо пляжа. Я быстро прикинул, что пляжная зона скоро закончится и нас просто некому будет спасать. Я снова попытался скинуть брата, набрал, сколько мог, воздуха и заорал: «Помогите!!!» Пляж стремительно удалялся. Я собрал последние силы и снова крикнул.

Нам повезло: нас заметил мужчина и тут же бросился на помощь. Вытащив наши тельца на берег, он потряс меня и Добрика за плечи, спросил про самочувствие и нужна ли какая-то помощь. Я устало поблагодарил и отрицательно помотал головой. С Добриком мы договорились, что случившееся останется нашей тайной, иначе речки нам больше не видать. Хотя... ругать нас было некому.

Мама уезжала на заработки в Москву, чтобы как-то содержать нас и Артура, который оставался, чтобы приглядеть за нами в мамино отсутствие. Ни бедности, ни излишества не ощущалось, хотя, когда мама передала нам литровую банку черной икры, желая удивить и побаловать, мы почувствовали себя королями – икра тогда стоила просто космических денег. Мы с братом оказались неблагодарными дегустаторами – нам не понравилось. Соленая она какая-то, икра эта. Нам бы лучше мороженое... Зато Артур со своим братом очень даже обрадовались подарку.

Когда у мамы более-менее наладилась работа и заработок стал стабильным, она начала высылать Артуру деньги на наше содержание. Желая слянуть от этих обязанностей, Артур нашел нам няню – старшекласницу Лену, дочку своих знакомых. Она пробыла с нами не так уж долго, да и общался я с ней мало, Лена присматривала в основном за братом. Но и в моей жизни она сыграет довольно важную роль, появится снова весьма удивительным образом, хотя это случится гораздо позже. А пока мы собирали на стадионе камеры от велосипедных колес, оставшихся после соревнований, связывали в одну большую резинку, обматывали ее вокруг деревьев и устраивали на импровизированном ринге бои.

В общем, наслаждались «красками детства», пока не случился очередной переезд на новое место.

«Бизнес» и другие неприятности

В очередной раз мама вернулась из Москвы и заявила, что у нас будет бизнес. Надоумил ее некий Юрий, с которым она познакомилась в поезде по дороге домой. Он предложил ей стать деловым партнером для открытия продуктового магазина и обещал со всем помочь. Но для магазина нужно было помещение, товар, а на это, в свою очередь, требовались деньги. По совету Юры мама решила продать нашу однушку в центре и купить что-то подешевле. Вырученных денег хватило бы для запуска бизнеса, а там можно поднакопить и купить новую большую квартиру.

Во время переезда к нам подходили мои друзья и спрашивали, куда мы едем и почему. Ответов у меня не было, я знал только, что будем жить где-то далеко в коммуналке.

– У меня бабушка в коммуналке живет, фуфло полное. Прикинь, один толчок на всех, ванная одна на всех и кухня. Не жизнь, а каторга, – со знанием дела делился один из товарищей.

Наконец-то машину загрузили, мы сели в кабину, а мама забралась к вещам в кузов. Мальчишки бежали за нами до самого поворота на проспект, размахивая руками. Смотреть на это было грустно, но я знал, что скоро у меня будут новые друзья.

Когда мы доехали, уже начало темнеть. Еще долго выгружали машину. С соседями познакомилась тут же, на входе. Какой-то толстый мужик в полосатой растянутой майке и замусоленных спортивных штанах повис в дверном проеме, лениво прищелкивая языком.

– А вы, собссна, по какому вопросу? По какому вопросу, я вас спрашиваю? – привязался он к грузчикам.

– Мужик, отойди, видишь, вещи несем. Соседи у вас новые.

– Аххх, сосееееди, – опухшие веки мужика попытались покинуть свое местоположение и изобразить удивление. – Мань, Мань! Че, оглохла, што ли? Мань!

Откуда-то из глубины темного коридора выплыла дородная женская фигура в цветастом халате и наверхенном на манер тюрбана полотенцем на голове.

– Так, уйди отсюда, – Мань развернула подвыпившего супруга и затолкала его в ближайшую комнату. Не говоря ни слова, она зашла за ним следом и хлопнула дверь.

Грузчики занесли наши вещи в две небольшие комнатухи, получили от мамы деньги и уехали.

– Ну... с новосельем.

Я сразу попросил поставить велосипед за дверь, чтобы его не было видно, как заходишь в комнату. Мне очень не понравился этот сосед. Не вызывал он доверия. Ни капли.

– Пока поживем так. Со временем обустроимся, – пообещала она. – А пока давайте вещи разберем.

Она вышла на кухню. Я выглянул следом за ней в коридор, чтобы хотя бы визуально найти туалет.

– А, у нас дети теперь будут жить! – Я еле удержался, чтобы не обделаться от неожиданности.

– Здравствуйте, – произнес я.

Мужичок, расписанный синими татуировками так, что казалось, будто это его родной цвет кожи, заговорщицки подмигнул мне и чиркнул спичкой, прикуривая папиросу.

– Как звать?

– Святослав, – немного замявшись, ответил я.

– А че так нерешительно?

Я промолчал.

– Э, я не кусаюсь. Только иногда, – мужик громко заржал.

– Извините, где здесь туалет? – собрался с духом я.

– Ааа, вот че ты молчишь-то! Вон там, по коридору прямо, последняя дверь направо, – мужик согнулся от хохота.

Я нахмурился и пошел в указанном направлении. Открыл дверь и невольно отпрянул назад: туалет представлял собой кошмарное зрелище. «Фу, грязища какая», – с тоской подумал я.

Скоро мама присмотрела подходящее для магазина помещение. Оно находилось в бывшем заброшенном общежитии в три этажа. Мама договорилась об аренде и закупила товары. В скором времени дела ее пошли в гору, и небольшой магазинчик стал приносить какой-никакой доход.

Свой магазин она вскоре превратила в полукафе. Часть площади сдала в субаренду под игровой уголок, новый арендатор купил несколько игровых приставок PlayStation первого поколения и сдавал школьникам по часам. Дела шли хорошо, были планы расширяться и часть пустующих комнат превратить в гостиничные номера для приезжих. Юра же без конца таскал из магазина товар – «гостинчики» для недобропорядочных блюстителей закона. На каждом углу он жаловался, что его притесняет уборщица – так он называл мою маму, настоящую владелицу их якобы совместного бизнеса, – и мнит себя хозяйкой. К маме приходили с угрозами, разборками, она стойко их переносила и пыталась доказать, что это ее и только ее вложения, что это она, а не Юра, продала квартиру, чтобы начать бизнес. Но ее никто не слушал.

Всё, чего добивался от этой травли Юра, – чтобы мама отказалась от магазина в его пользу. Но так как выбранный способ никак не влиял на мамину решимость, Юра однажды поменял на входной двери замок. Когда мама стала обращаться в милицию и другие инстанции, всё было тщетно: Юра успел подкупить всех, кто мог ей помочь. Вот тут мамино терпение лопнуло.

При первой возможности она обратилась к ребятам из патрульно-постовой службы. «Вы можете его просто взять и повязать хотя бы на два часа? Без всяких обязательств, этого времени мне хватит», – попросила мама.

Юру задержали. Пока его везли в отделение, мама с кувалдой отправилась в магазин. Она разгромила свое детище начисто, а оставшийся товар погрузила в заранее заказанную машину и перевезла в нашу комнату.

Юру не смогли задержать надолго, но времени оказалось достаточно. Так магазин закрылся. Юра восстанавливать его не стал, а у мамы не осталось денег на аренду и обустройство другого помещения.

Дома началась сладкая жизнь в прямом смысле этого слова. Еще некоторое время мы подъедали «Баунти», «Сникерсы» и «Марсы» из магазинных запасов. Такого изобилия сладкого мы раньше не видели, поэтому на радостях объедались шоколадом, пока живот не заболел.

– Чего ты там корчишься? – обеспокоенно поинтересовалась мама.

– Живот болит...

– Давно?

Я грустно кивнул.

– Ох. Ну вот и чего молчал? Пойдем, – мама направилась на кухню.

Там у нее хранились мешочки и баночки со всякими травами. Она редко пользовалась услугами врачей, предпочитая народную медицину.

Открыв несколько баночек, она взяла оттуда по щепотке трав и отправила их в чашку. Залила сверху кипятком, дождалась, когда остынет, сцедила отвар через марлю и протянула мне:

– Пей.

Я зажмурился и осторожно глотнул.

– Будешь пить вместо чая несколько дней.

Я кивнул.

Спустя неделю от загадочной болезни не осталось и следа.

К счастью для наших желудков, сладкие запасы довольно быстро закончились, следом за ними закончились вкусные, а затем и все остальные, кроме нескольких мешков риса. Еще около года рис, обжаренный с луком, был самым частым блюдом на нашем столе, а временами и вовсе единственным. Но однажды закончился и он.

Остро ощущалась нехватка денег. Дошло до того, что мама полезла за сухарями черного хлеба, которые готовила для домашнего кваса.

– Эх, – мама покрутила в руках зацветшую корку. – Испортились...

Но вместо того, чтобы выбросить хлеб, она взялась каждый сухарь мыть. Отмыла, выскребла плесень, просушила и дала нам с Добриком.

– Простите, дети, пока это всё, что у нас есть...

Мы не капризничали. Во-первых, понимали, что это бесполезно, во-вторых, видели, насколько тяжело маме обеспечивать нас хотя бы тем, что есть: работы в городе не было, а помощи откуда-то со стороны ждать не приходилось. Зарплаты от маминых подработок едва хватило бы для одного человека, а нас было трое.

По утрам я отправлялся в школу. Точнее, в ее направлении, а дальше сворачивал в ближайший парк. Я ненавидел школу и заменял уроки затяжными прогулками по лесу и соседним районам. Там было интересно и жутко. Камброд¹ регулярно мелькал в криминальных хрониках как место жестоких преступлений, но когда это останавливало мальчишек? Скоро бродить бесцельно мне надоело, и я стал собирать всякие проволочки и железки, чтобы отнести их в металлолом, тем самым немного подзаработать и помочь маме. На полученные деньги я покупал домой крупы или хлеба.

Примерно в этот же момент я увлекся компьютерными играми. Мне нравился жанр стратегии: нравилось развивать города и военные базы, защищаясь от врагов. Своего компьютера у меня не было, поэтому, насобирав стекла и железок, купив домой что-то съестное, я иногда уходил играть в ночь – так было дешевле.

Играл до утра, а потом с красными как у рака глазами шел домой. Благо клуб находился недалеко, в бывшем ресторане «Любава». Сам ресторан давно закрылся, а его когда-то роскошный банкетный зал разделили металлической решеткой на два помещения. Сетку прикрыли шторкой. Одну половину сдавали в аренду клубу, вторую – ритуальным услугам. Так что играть ночью было еще и атмосферно: отодвигаешь шторку, а там венки, гробы и свечи.

Немного позже технический прогресс дошел и до нас. Мама где-то раздобыла очень старый компьютер с оперативкой меньше, чем у микроволновки, он тянул только пару примитивнейших игрушек. Но даже такую древность тогда мало кто мог себе позволить, поэтому я подумал, что могу на нем подзаработать.

И когда ко мне пришел в гости друг, я решил предложить ему арендовать компьютер.

– Хочешь поиграть? Цена намного ниже, чем в клубе.

Друг согласился. Сейчас мне очень стыдно за такое поведение. Не будь у нас финансовых трудностей, я бы так никогда не поступил. Но тогда мной двигало желание помочь семье любыми способами.

О моих прогулах мама ничего не знала, она была уверена, что я прилежно хожу на занятия. А играю и собираю железки в выходные. Пока однажды не получила записку от завуча, что меня уже месяц в школе не видели.

– Как это месяц?! Как это месяц ты не ходишь в школу?! – она выпытывала из меня правду, но я геройски отмалчивался. – Значит, так... Добрик, не мусоль занавеску! Значит, так, Свят. Школа нужна. Хотя бы затем, чтобы уметь читать, писать и считать. Я тебя очень прошу, ходи на уроки, а? Обещаешь?

---

¹ Каменнобродский район Луганска. – Прим. ред.

Я кивнул.

– Смотри мне, задницу надеру, если еще хоть раз про прогулы твои узнаю!

Но угроза не подействовала: я продолжал ходить по свалкам и гаражам вместо светлых классов. Иногда случались очень комичные истории: когда я всё-таки заходил в школу, одноклассники, которые полгода как перешли в мой класс, показывали на меня пальцем и говорили: «О, ты тоже новенький?!» А я им такой: «Я не новенький. Просто я здесь не часто появляюсь». Конечно, мама узнавала о моих рецидивах, наказывала, но толку-то. Она прекрасно понимала причину моих поступков и ворчала больше для проформы.

Однажды она пришла домой, села на табуретку и устало прикрыла глаза.

– Что-то случилось? – я шел за чаем.

– Выбросилась.

– Кто?

– Хозяйка моя из окна выбросилась на глазах у своего ребенка.

Недавно мама нашла неплохую подработку. Идеальным вдохновителем и владельцем котлетно-обеденного бизнеса была молодая одинокая женщина с ребенком. Она готовила обеды, а мама носила еду на рынок и продавала местным работникам. Дело шло хорошо, в нашем доме наконец-то начали появляться нормальные продукты, иногда даже разнообразные. И тут вот...

– А из-за чего?

– Жить стало невыносимо. Хотя куда уж... Торговали хорошо, прибыль была... Не знаю, что там случилось. Но как бы там ни было, мне нужна новая работа.

И скоро она придумала похожий способ заработка. Накопив денег, мама купила два стеклянных термоса.

– Вот, буду чай и кофе на рынке продавать, – гордо сообщила она.

Но буквально на второй день Доброслав, бегая по коммуналке, зацепил и разбил сразу оба термоса. Обругав брата за неосторожность, мама заняла денег и купила еще два термоса, подороже, из небьющегося материала. Отступать от своей идеи она не хотела.

Мама стала продавать чай и кофе сотрудникам на Центральном рынке. Продавцы не хотели оставлять рабочее место, уходя за напитком или бутербродом, – так можно было упустить покупателя или, что еще хуже, недосчитаться товара по возвращении. Поэтому передвижная кофейня, или «чаевница», с двумя термосами на тележке пользовалась большой популярностью.

Постепенно стали появляться деньги, стало хватать на еду и какие-то недорогие вещи. В выходные, когда народу на рынке собиралось много, я выходил работать вместе с мамой. Когда кипяток заканчивался, я бегал за «заправкой» в специальную квартиру за крайними палатками, чтобы мама на это не тратила время: конкуренция высокая, а доход зависел от количества проданных стаканчиков.

Самая большая выручка была зимой. Продавцы спасались от мороза толстыми валенками, шубами и горячими напитками, нередко разбавляя их коньяком. В шубе и варежках бегать с тележкой и разливать чай неудобно, а без них очень холодно. Зато потом, сидя дома, в тепле, мы считали полуобмороженными руками выручку и радовались особо холодным дням, потому что заработок выходил в два-три раза больше обычного.

Прелести коммунальной жизни

Тем временем жизнь в коммуналке превращалась в настоящий ад. Без конца пили, курили и дрались соседи. Время от времени они приставали к маме, настойчиво требуя, чтобы она выпила с ними. Ее отказы воспринимались как вызов, пару раз дело доходило до рукоприкладства, но чаще у мамы хватало силы и ловкости ускользнуть в нашу комнату еще до того, как пьяный сосед повернется в ее сторону.

В один из вечеров я пришел домой поздно – ходил сначала в парк, на танцевальную площадку, чтобы собрать бутылки, потом относил их в пункт приема стеклотары, потом заходил в магазин за хлебом... Пока дошел до дома, стало темнеть. Еще на лестничной площадке я услышал гул от дверей нашей коммуналки и с тоской подумал: «Опять к соседке пришли...» Вот хоть разворачивайся и иди обратно, честное слово. Пересилив себя, я открыл дверь и стал пробираться вдоль стены к комнате. Путь пролегал через кухню.

Ты за поездом бежалаааа,
Ветер крик принес в запреткууу,
Но споткнулась и упалаааа,
Грыз зубами прутья клетккиии, – доносилось оттуда.

«Понятно, стадия, когда надо быть максимально незаметным», – подумал я. Уже не раз замечал, что, если бывшие заключенные гости начинали петь свои любимые песни, значит, они уже дошли до той кондиции, когда дальше может произойти что угодно.

Я приоткрыл дверь комнаты и быстро шмыгнул внутрь.

За дверью послышалась какая-то возня, затем ругань и звонкий удар об стену – разбилась тарелка. За ней полетела еще одна. Кухню огласил женский визг и истеричное: «Коля!!!»

Мама, сидевшая до этого на кровати и штопавшая дырки на моих носках, подскочила к двери и быстро повернула ключ в замочной скважине. Она не успела отойти, как та задрожала под ударами чего-то очень тяжелого. За стеной истошно заголосили. На дверь обрушился еще один удар. Затем еще и еще.

Звук не походил на тот, если бы старое дерево лупили ногой или кулаками.

– Быстро к окну! – скомандовала мама.

Мы жили на втором этаже, над пристройкой, поэтому план мамы был ясен: в случае чего – бежим через окно.

В дверь снова всадили что-то железное. «Топор!» – мелькнула страшная догадка. Мама легко подскочила к обеденному столу и схватила нож. Несмотря на наличие общей кухни, в последнее время мы всё чаще обедали в своей комнате.

– Стойте там!

«Убьюууууу, сука!!!!» Шкряк! – от крепкого дерева отскочила щепка. Ожидающая худшего исхода мама наставила нож на образовавшуюся щель. Щель потемнела: кто-то разглядывал пьяным глазом нашу комнату. Обнаружив, что на него смотрит кончик кухонного ножа, сосед крикнул, громко почмокал губами и исчез в неизвестном направлении.

Воцарилась тишина. Видимо, запал алкоголика Коли подостыл, а сил дубасить кухонным топором вторую тяжеленную дверь не осталось.

– Так, к черту! Больше мы здесь жить не будем!

И действительно: чего хорошего мы тут видели? Да ничего. Соседи воровали друг у друга, а «подростки с района» нюхали клей, пили водку и курили. Я старался держаться особняком, алкоголь я, конечно, попробовал, но остальные развлечения сверстников меня совсем не при-

влекали. А желание мамы уехать подальше от подобного общества я понимал уже тогда и полностью поддерживал. Тем более нам стало хватать денег для съема жилья поприличнее.

В поисках лучшего

Мы поменяли еще четыре места жительства. Соседи были немного приятнее, но остальные условия оставляли желать лучшего: туалет на улице, вода из колонки, до которой еще надо пройти, в доме раковина, в который нужно заливать воду, под ним ведро с помоями и газовая печь для отопления. Такой вид жилья называли флигелями, но по сути они мало отличались от сараев. Чтобы помыться, нужно было натаскать воды, нагреть ее на печке, разбавить до нужной температуры и только после этого купаться, сидя в тазике, с помощью мокрой мочалки. Стирка – по такому же принципу. Летом еще куда ни шло, а вот зимой... Зимой приходилось туго. Но все эти сложности с лихвой компенсировались отсутствием драк и криков пьяных соседей.

Но только мы начали дышать ровно после пережитых кошмаров коммуналки, как Доброслав сломал руку. Потребовалась недешевая операция, из-за которой мама продала комнату в злополучной коммуналке. Сделка была равносильна чуду, потому что никто не хотел себе такого соседства, плюс сам район обрел настолько нехорошую славу, что по доброй воле туда не совались.

Но денег на лечение не хватило, пришлось залезть в долг, и мама решила снова поехать на заработки.

– Мальчики, я уеду в Москву, – сообщила она нам с братом.

– Опять? Ты же уже ездила, помнишь? Приехала и сказала, что это тяжело!

– Да, но там есть работа. На фабрике. Я буду приезжать каждые три месяца. Мне будет нужно обновлять регистрацию, без нее в Москве нельзя жить. Я буду получать стабильную зарплату, и мы сможем жить нормально, а не как бомжи, – с каждой фразой ее голос становился всё решительнее. – Вы у меня самостоятельные взрослые парни, справитесь.

Я внимательно смотрел на маму. Мне пятнадцать, скоро оканчивать школу, брату одиннадцать.

– Я попросила нашего соседа и Артура за вами приглядеть. Если что – сразу к ним, в любое время дня и ночи, ясно?

Мы дружно кивнули.

– Дядя Влад тоже поможет, я попросила его заходить к вам в гости. Продуктов вам на первое время хватит, как только получу аванс, вышлю вам денег. Я буду звонить при любом удобном случае. Ну, выше нос!

– Хорошо. Поезжай, если нет другого выхода, – ответил я за двоих. – Мы будем скучать.

Мама благодарно посмотрела на меня. Она очень любила нас. И если бы была такая возможность, если бы мы жили хоть немного лучше, она бы предпочла остаться с нами.

Еще через неделю мы провожали маму в Москву.

– Если что, адрес фабрики я тебе тоже написала, – оставляла она последние наставления.

– Мам, мы же уже оставались одни, мы справимся. – заверил ее я, Доброслав молча кивнул.

Мама вдруг прижала нас к себе.

– Мам, да не переживай ты так, хорошо всё будет, – пытался поддержать ее я, глядя по спине. Она подготовила всё, что только можно, до своего отъезда, но всё равно беспокоилась.

– Я без вас скучать будуууу, мальчишки мои...

Она расцеловала нас и ушла в вагон. Через секунду ее голова показалась в проеме окна.

– Смотрите мне, школу не прогуливайте! – вытирая слезы, крикнула она в открытую форточку.

– Не будем!

Поезд тронулся. Мама махала через толстое стекло, а мы бежали за вагоном, пока не закончился перрон. Мы еще постояли, проводили хвост поезда взглядом и пошли домой.

Потянулись дни самостоятельной жизни. Незаметно время подошло к экзаменам и выпуску из школы. Я решил, что мне хватит и девяти классов, но вот что делать дальше, куда идти – неясно. Артур присоветовал строительный техникум. Говорил, что там дают хорошее образование, ну и у строителей всегда есть работа. Я в то время уже начал подрабатывать на стройках разнорабочим: не скажу, что мне сильно нравилось, но у подростка не так много возможностей заработать. Сфера была уже знакома, и я видел, что работа действительно есть всегда, поэтому решил последовать совету.

Так как я толком не учился, со знаниями общей школьной программы у меня дела обстояли плохо, очень плохо. Химия вообще загоняла в полнейшее уныние. Как такая интересная наука может быть настолько непонятной! Тут даже прогуливать не нужно было, достаточно нагнуться за упавшей ручкой – и всё, всё! Ничего не понятно! Поэтому в аттестате хорошие оценки у меня стояли только по рисованию и физкультуре. И всё же я решил попробовать поступить в техникум.

Его через пару лет переименовали в колледж, но суть осталась той же. «Техникум – это не университет, где куча человек на место», – рассуждал я, пока не увидел очередь из абитуриентов. Оказалось, что у колледжа и вправду отличная репутация, поэтому желающих здесь учиться было достаточно много. Основными предметами для вступительных экзаменов были математика и украинский язык. То есть всё, где мне можно смело кричать «караул».

Но чудо всё-таки случилось, мне удалось проскочить на платное отделение. Полгода обучения стоили около трехсот долларов, не такие уж и большие деньги для тех, у кого они есть. Для нашей семьи эти траты означали, что мама будет продолжать пахать в Москве, чтобы оплатить мое обучение. Просто потому, что она хотела помочь мне выбиться в люди.

Я в полной мере осознавал цену своей учебы, поэтому взялся за нее очень решительно. Моим однокурсникам предстояло осилить программу 10 и 11 класса за один год, а мне еще и всё то, что пропустил в школе, а пропустил я очень много.

Глава 2

Gaudeamus igitur ²

Из двоечника в отличники

Как-то Ватсон заговорил с Шерлоком о теории Коперника и был очень удивлен, что знаменитый сыщик не знает не только об астрономии, но и о том, что Земля вертится вокруг Солнца. «Видите ли, мне представляется, что человеческий мозг похож на маленький пустой чердак, который вы можете обставить, как хотите. Дурак натащит туда всякой рухляди, какая попадется под руку, и полезные, нужные вещи уже некуда будет всунуть... А человек толковый тщательно отбирает то, что он поместит в свой мозговой чердак. Он возьмет лишь инструменты, которые понадобятся ему для работы... Уверяю вас, придет время, когда, приобретая новое, вы будете забывать что-то из прежнего. Поэтому страшно важно, чтобы ненужные сведения не вытесняли собой нужных... Ну хорошо, пусть, как вы говорите, мы вращаемся вокруг Солнца. А если бы я узнал, что мы вращаемся вокруг Луны, много бы это помогло мне или моей работе?» – ответил ему Холмс. И я был полностью с ним согласен.

В школе я искренне не понимал, зачем учиться. Зачем ходить на эти скучные уроки, тратить всё свое свободное время на домашку и рваться за оценками, которые в дальнейшей жизни никакой роли не сыграют? Чтобы устроить себе приличную жизнь, нужно изучать самостоятельно то, что пригодится, а для этого достаточно уметь писать, считать и читать. Ну в географии и истории для порядка ориентироваться. Всё! Зачем какие-то алгоритмы, физика и химия? Непонятно, как они помогут обустроить жизнь, если ты не физик-ядерщик.

Мое мнение изменилось в колледже. В голове сложился пазл: без теории мне не осилить практику.

Вот тут я всполошился: наверстать половину программы средней школы, которую я благополучно прогулял, было непросто. Но, как говорится, голь на выдумку хитра: я научился настолько виртуозно списывать, что в скором времени выбился в отличники.

Я хотел закончить колледж с отличием не только для удачного трудоустройства по профессии, но и для того, чтобы показать маме, что я очень ценю то, что она сделала ради моей учебы, и не буду прогуливать, как раньше. А еще я очень хотел помочь маме осуществить ее мечту купить квартиру. Она мечтала об этом с того момента, как ее маленький «бизнес» пошел ко дну и нам пришлось мыкаться по чужим углам. Мама старалась быть ради нас с братом сильной, но иногда по ночам я слышал, как она плакала. Когда я был младше, она казалась мне всемогущей, и я восхищался этим, но чем старше становился, тем отчетливее понимал, насколько ей было тяжело. Она невероятно уставала, ей было страшно продавать квартиру, она сомневалась в своем решении открыть бизнес и была очень подавлена, когда он рухнул: это привело к сильной и долгой депрессии. Но, несмотря на всё это, она продолжала двигаться вперед и искать новые возможности сделать нашу жизнь хоть немного лучше. И вот это действительно вызывало восхищение, не то слепое, детское, а настоящее. А еще это показывало, насколько сильно она нас любит. В Москве она трудилась на мебельной фабрике, в цеху покраски, и, несмотря на плотные респираторы, ядовитые пары всё равно проникали в легкие, разъедали пальцы, сушили кожу, портили зрение: мама приезжала домой измотанная, постаревшая и с тяжелым кашлем. И каждый раз со счастливой улыбкой бросалась обнимать нас, а на ее глазах

---

² Gaudeamus igitur – традиционный современный гимн студентов. Написан в XIII или XIV веке. Назван по первой строке: лат. Gaudeamus igitur // Juvenes dum sumus! (Итак, будем веселиться, пока молоды!) – Прим. ред.

мы видели слезы радости. Я хотел обеспечить ее деньгами так, чтобы ей больше ни дня не пришлось работать. А для этого, как я со всех сторон слышал, нужно было хорошо учиться. И я это делал.

Со своим желанием «покорить строптивного коня» учебы я «достарался» до того, что получил грамоту как лучший студент колледжа и предложение перевестись на бюджет с выплатой стипендии. От предложения до дела, правда, так и не дошло, на бюджет меня не перевели, но грамотой я очень гордился.

Каменоломня

Для меня такой поворот дел стал стимулом искать подработку, которая закрывала бы не только расходы на учебу, но и привносила что-то в семейный бюджет. Тем более что опыт разнорабочего на стройке у меня уже был. Там я прижился еще со школы: таскал тяжелые мешки с цементом, подавал раствор в ведрах, мешал бетон. К четырнадцати годам даже какой-то авторитет заработал: мне доверяли как взрослому и поручали ответственные задачи.

В студенческие годы эта работа стала для меня не только источником дохода, но и возможностью обучаться на практике. Строители с радостью делились опытом и обучали чему-то в обмен на помощь. Вот только заработать достаточно, чтобы оплачивать учебу самостоятельно, мне не удавалось, зарплаты хватало на еду, на проезд, и иногда удавалось накопить на что-то крупное, например на кроссовки. Но попыток я не оставлял, брался за любую, даже самую грязную и тяжелую работу, иногда за чересчур тяжелую.

Например, однажды мне и еще паре ребят поручили копать сливной колодец. Тут стоит начать с того, что территория Луганска – это бывшее море, поэтому камни и мел здесь залегают на три-четыре метра в глубину любой ямы. Наша копка в скором времени превратилась в каменоломню: работать чем-то, кроме лома, было невозможно. И так двенадцать часов с короткими перерывами на отдых. Провозившись неделю, мы плюнули. По деньгам выходило всего четыре доллара в день на брата – в Индии люди больше получают. Надрываться ради таких копеек мне больше не хотелось: я бы понял, будь там заработок на порядок выше. В общем, собрал свои скромные пожитки, состоящие из разношенных драных кроссовок, забрал дневную выплату и отправился в сторону дома. «Ничего, найду другое место, нынче строек много, тем более лето на дворе», – рассуждал я про себя.

По дороге домой я встретил своего друга Леху.

– Свят, здорово! Как дела? – жизнерадостно начал он.

Я пожал плечами. На разговоры по душам не тянуло.

– Ну как... Мама в Москве опять, работает.

– А чего ты такой тухлый? Скучаешь, что ли?

– Нет, – резко ответил я. – Не в смысле не скучаю. С работой фигня какая-то.

– Ух, – присвистнул Леха. – На стройке, что ль?

– Угу. Был на стройке, – буркнул я.

– О, как мы удачно встретились! Я тебе работу могу предложить, хочешь? На карьере камень добывать. Может, слышал, его называют еще натуральный камень-дикарь. Для облицовки домов, заборов используют еще.

– Ну, знаю. А платят чего? – плохое настроение сменилось интересом.

– Платят очень хорошо, побольше, чем на твоей стройке, – заверил он меня. – Считают за квадратуру типа: чем больше добудешь, тем больше зарплата.

– Ну ок, давай попробую, как раз искал работу за нормальные деньги.

– Давай тогда завтра на автовокзале встретимся. Мне координаты дали, вроде недалеко ехать, но имей в виду, там жить придется – нас выгрузят и уедут.

– Пф, – аж смешно стало. – Брательник уже не маленький, справится без меня. Поехали.

– Отлично! – Леха обрадовался. – А то, знаешь, по чесноку, всё-таки ссыкотно одному туда ехать... Оно, может, по деньгам и хорошо, но вдвоем как-то спокойнее.

Мы договорились о времени, и я заторопился. Нужно было что-то собрать с собой, объяснить брату, куда я еду и зачем, навести ревизию по продуктам, чтобы малой точно не на голодном пайке сидел.

На следующий день ближе к обеду мы с Лехой встретились на автовокзале, зашли в кассу за билетами и сели в пригородный автобус. Леха вытащил из кармана сложенный тетрадный листок, развернул, что-то там сверил и убрал обратно.

– Вроде всё правильно пока. Теперь смотри в окно внимательно, нам после Райгородка выходить надо, – сказал он, и мы потряслись навстречу большому кушу.

Скоро товарищ уснул, прислонившись к пыльному стеклу. Я слушал, как его голова мерно постукивает на кочках, как скрипят и трещат старые автобусные двери, озирался по сторонам, стараясь разглядеть и запомнить мелькающие за окном таблички с названием населенных пунктов, и думал о том, сколько мы сможем заработать. Так прошло несколько часов. Каких-то иллюзий насчет того, что эта работа будет легкой, не виделось.

Промелькнула табличка «Райгородок». Я ткнул Леху в бок. Тот резко вскочил, выбрался со своего места и направился к водителю.

– Нам вот тут остановите, пожалуйста, – попросил он.

– Прямо посреди поля? – с сомнением спросил водитель.

– Да, тут.

Леха махнул мне рукой. Я взял наши рюкзаки и пошел к выходу. Автобус с громким чиханием остановился посреди огромного поля.

Двери издали шипяще-ноющий звук и открылись.

Под недоумевающим взглядом водителя мы вышли из автобуса.

– Чё, приехали?

– Угу.

Водитель автобуса подождал какое-то время, видимо, думая, что, возможно, мы ошиблись. Убедившись, что возвращаться мы не собираемся, он закрыл двери, наподдал вонючего газа и уехал.

– Ну че, куда идти? – поинтересовался я.

Леха достал из кармана мятую бумажку, развернул и принялся пристально разглядывать. Я заглянул ему через плечо: на клеточках неровным почерком были прописаны какие-то названия и криво начерчена схема с крестиком в углу.

– Чё за карта сокровищ?

– Да дорогу нарисовали. Давай смотреть, вот тут какая-то тропинка должна быть.

Мы осмотрелись. По краю поля действительно вилась едва заметная тропинка.

– Пошли.

Леха то и дело останавливался и сверялся со своей картой. «Перейди за тот холм», «дойди до того леса». Квест какой-то.

– Долго еще? – наконец не выдержал я.

– Не знаю. Мне сказали, что примерно полчаса надо идти.

Смеркалось. Скоро нос уловил едва ощутимый запах дыма. Еще через пару минут мы вышли в большому карьере. Всё вокруг говорило о том, что здоровую яму посреди глухого леса сделали люди. В стороне лежала огромная куча того самого «дикаря». Ни единого провода или намека на цивилизацию не было. Тишину нарушал только равномерный и тихий звон металла, доносящийся откуда-то снизу. Ни техники, ни рабочего поселка – ни-че-го.

Из-за края ямы показалась голова с густыми черными бровями. Голова молча окинула нас взглядом и так же молча исчезла обратно. Еще через мгновение как из воздуха появился мужик.

– Вы работать? – Мы кивнули. – Пошли тогда.

Оказалось, что за деревьями скрывалось несколько вагончиков. Из одного навстречу нам вышел худой мужчина с непомерно длинными руками, которые заканчивались узловатыми пальцами. Он поздоровался с нашим проводником, они о чем-то переговорили между собой, и худощавый ушел обратно в вагончик.

– Так, вы все здесь поместитесь, – сказал провожатый, открывая дверь вагончика.

Внутри на стене висел откидной стол, стояли две табуретки, а вдоль стены, как нарвы, тянулись полки для сна.

– Выбирайте сами, кто где жить будет. Воду носим из соседней деревни, поэтому экономьте, зря не лейте. Еду готовим по очереди. Работаем с утра и пока не надоест – деньги платят за кубы, а не часы, – коротко проинструктировал он и ушел.

Мы с Лехой переглянулись и быстренько шмыгнули в угол, на нижние полки. Мы так устали за день, что нам уже ничего не хотелось: ни пить, ни есть, ни осматриваться.

С рассветом зашевелились наши соседи. Один закашлялся, второй долго вздыхал, потом свесил ноги со второй полки и спросил у первого:

– Курить есть?

Тот молча кивнул, вынул пачку, откинул картонную крышечку и протянул вверх. Мужик аккуратно взял сигарету и стёк на пол. Громко шаркая, засунул ноги в разношенные шлёпки и вышел на улицу. За ним следом ушел и первый. Третий еще спал, свернувшись небольшой горкой под старым шерстяным одеялом.

Мы тихонечко обулись и вышли из вагончика. Оказалось, что чуть в стороне стоял большой деревянный навес с огромным столом и лавками. Там уже сидели человек десять, включая наших соседей. Кто-то из мужиков махнул рукой. Мы нерешительно подошли.

– Работать приехали? – прищурившись, спросил махнувший.

– Да, – ответил Леха.

– А еду-то привезли?

Мы растерянно посмотрели друга на друга. Всё, что у нас было из съестного, – это пара бутербродов.

– Нет, – ответил Леха.

Мужик усмехнулся.

– Ну садитесь есть для начала, потом в карьер полезете, – он посмотрел в сторону условного повара, щедро наваливающего макароны в металлические миски. – Ложки есть?

Леха со знанием дела кивнул.

– Если нет, бери нож, иди стругай себе ложку.

Я уставился на Лешку.

– Я объясню, да? – Он дождался утвердительного кивка от приглашавшего. – Чтобы сразу никакую не подцепить. Тут есть те, кто туберкулезом может болеть. Или чем еще похлеще.

Я молча двинул обратно к вагончику, перетряс весь рюкзак и с облегчением выдохнул: складной ножик с набором из ложки, вилки и штопора обнаружился на самом дне.

– Ну всё, теперь садитесь, – разрешил нам старший.

Мы поели безвкусных макарон, тщательно вымыли свои ложки, убрали их в рюкзак и пошли в карьер.

Со дна поднимался туман. В нем уже кто-то копошился, кашлял и тихо матерился. Как из воздуха материализовался старший, выдал нам по лому и лопате, показал участок, где долбить, и так же незаметно растворился в тумане.

Мы начали долбить. Примерно через час на ладонях запузырились большие белые мозоли. Но мы решили, что раз приехали сюда зарабатывать, то ничего страшного, наши старания окупятся с лихвой. Не прошло и минуты, как мозоли лопнули. Работать стало болезненно.

К концу второго дня кости в буквальном смысле звенели, отражая удары лома об камень. Наконец я устало бухнулся рядом с лопатой. Леха задумчиво облокотился на лом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.